

Александр. Ги де Мопассан

В этот день, к четырем часам, как всегда, Александр поставил перед дверями домика, занимаемого супругами Марамбаль, трехколесное кресло, в каком возят паралитиков. Ежедневно до шести часов, как велел врач, он катал в нем свою старую больную хозяйку.

Оставив кресло перед самым подъездом, чтобы легче было усадить в него тучную даму, он вошел в дом, где вскоре послышался гневный голос, хриплый голос старого вояки, изрыгавший проклятия. То был голос хозяина, отставного пехотного капитана Жозефа Марамбаля.

Раздался стук захлопнутой с силой двери, шум передвигаемых стульев, звук быстрых шагов. Затем все стихло, и через несколько минут Александр показался на пороге, изо всех сил поддерживая г-жу Марамбаль, измученную спуском по лестнице. Когда она с трудом уселась, Александр стал сзади, взялся за поручень, служивший для толкания кресла, и покатил его к берегу реки.

Так они шествовали ежедневно через весь городок, встречаемые почтительными поклонами, которые относились к слуге, быть может, не менее чем к хозяйке, ибо если она была всеми любима и уважаема, то этот старый отставной солдат с белой бородой патриарха слыл образцовым слугой.

Июльское солнце нещадно палило, заливая низенькие домики такими яркими, жгучими лучами, что становилось тоскливо. Собаки спали в тени стен на тротуарах, и Александр, немного запыхавшись, ускорял шаг, торопясь выйти на улицу, ведущую к реке.

Г-жа Марамбаль уже дремала под белым зонтиком, который иногда задевал бесстрастное лицо слуги.

Когда они добрались до липовой аллеи, она очнулась в тени деревьев и ласково промолвила:

— Везите потихоньку, мой милый, а то вам не поздоровится от такой жары.

Добрая дама не подумала в своем наивном эгоизме, что она пожелала ехать медленно лишь после того, как они уже укрылись от солнца в тени листвы.

Эта аллея из старых лип, подстриженных в виде свода, тянулась вдоль Наветты, бегущей по извилистому руслу между двумя рядами ив. Журчание ее струй, всплески у камней и на крутых поворотах сливались во время всей прогулки в тихую песенку воды. Сырой воздух обдавал свежестью.

Глубоко вдохнув влажную прохладу и наслаждаясь ею, г-жа Марамбаль проговорила:

— Теперь мне лучше... Муж сегодня встал с левой ноги.

Александр ответил:

— О да, сударыня.

Уже тридцать пять лет он служил у них, сперва как денщик офицера, затем как простой слуга, не желая покинуть хозяев, и лет шесть ежедневно после обеда возил хозяйку по узким улочкам города.

В результате этой долгой преданной службы, ежедневного пребывания вдвоем, между хозяйкой и слугой возникла некоторая фамильярность, не лишенная сердечности у нее, почтительности — у него.

Они говорили о домашних делах, как равные. Главной темой их разговоров и предметом беспокойства был скверный характер капитана, испортившийся за время долголетней службы, которая началась блестяще, но протекала без повышений и закончилась без всякой славы.

Г-жа Марамбаль возразила:

— Нет, муж в самом деле встал с левой ноги. Это бывает с ним часто с тех пор, как он вышел в отставку.

Александр со вздохом дополнил мысль хозяйки:

— О сударыня, скажите лучше, что это бывает с ним ежедневно, да бывало и раньше, когда он еще служил в армии.

— Это правда. Но ведь ему не везло, бедняге. Он начал подвигом, за который уже в двадцать лет получил орден, а потом за целых три десятка лет не пошел дальше капитанского чина, тогда как вначале рассчитывал выйти в отставку по меньшей мере полковником.

— Добавьте, сударыня, что в конце концов он сам во всем виноват. Если б он не был всегда зол, как цепная собака, то начальство больше бы его любило, больше бы ему покровительствовало. Вся беда в том, что господин Марамбаль неуживчив. Чтобы быть на хорошем счету, надо уметь ладить с людьми. Если он так обращается с нами — мы сами виноваты, потому что нам нравится его общество. Но прочие смотрят на дело иначе.

Г-жа Марамбаль погрузилась в раздумье. Уже много лет ей ежедневно приходилось терпеть грубости мужа, за которого она вышла когда-то, давным-давно, потому что он был красивый офицер, уже награжденный, несмотря на молодость, и подавал, как говорили, большие надежды. Как ошибаешься в жизни!

Она сказала:

— Передохните чуточку, бедный мой Александр, вот ваша скамейка.

То была низкая полусгнившая деревянная скамья на повороте аллеи, предназначенная для гуляющих по воскресеньям. Добравшись до этого места, Александр каждый раз несколько минут отдыхал.

Сев на скамью, он привычным горделивым жестом захватил обеими руками свою красивую веерообразную седую бороду, сжал ее, затем пропустил между пальцами до самого кончика и прижал на мгновение к животу, как бы желая лишний раз удостовериться в ее длине.

Г-жа Марамбаль продолжала:

— Я его жена, и если мне приходится терпеть от него обиды, то это в порядке вещей, это естественно; но вы?.. Никогда не могу понять, что заставляет вас сносить их, мой славный Александр!

Слуга неопределенно повел плечами.

— Ну, я-то, сударыня...

Она добавила:

— В самом деле, я часто об этом думала. Когда я вышла за него замуж, вы были его денщиком, и тогда вам ничего не оставалось, как терпеть. Но почему вы после не ушли, если мы платим вам так мало, обращаемся с вами так плохо? Ведь вы могли жить, как все: устроиться, жениться, обзавестись детьми, семьей...

Александр повторил:

— Ну, я, сударыня, — дело другое...

Затем он смолк, дергая себя за бороду, как будто звоня в колокольчик, звучащий внутри, или как будто пытаясь ее оторвать, и глядел в сторону, явно смущенный.

Г-жа Марамбаль продолжала развивать свою мысль:

— Ведь вы не простой крестьянин. Вы получили образование...

Он с гордостью перебил:

— Я учился на землемера, сударыня.

— Ну так зачем же вы остались у нас, испортили себе жизнь?

Он пробормотал:

— Так уж вышло... Так уж вышло... Такой уж у меня нрав...

— При чем тут ваш нрав?

— Да уж если я привязываюсь, то привязываюсь, и конец!

Она рассмеялась:

— Ну, я не поверю, что вы привязались на всю жизнь к Марамбалью за его мягкое обращение и кротость.

Александр завозился на скамье, видимо, растерявшись, и буркнул в свои длинные усы:

— Да не к нему, а к вам!

Старая дама, кроткое лицо которой было увенчано прической из белоснежных волос, ежедневно тщательно заворачиваемых в папиюльки и блестящих, точно лебяжий пух, приподнялась в кресле и в крайнем изумлении взглянула на слугу.

— Ко мне, мой бедный Александр? Как это?

Он отвел взгляд в сторону, потом вверх, потом стал смотреть вдаль, отворачиваясь, как это делают робкие люди, вынужденные сознаться в какой-нибудь постыдной тайне. Затем объявил с мужеством солдата, которому приказывают кинуться в огонь:

— Да уж так. В первый же раз, когда я отнес барышне письмо лейтенанта и барышня, улыбнувшись, дала мне двадцать су, тут все и решилось.

Она настаивала, не понимая:

— Да объяснитесь же!

Тогда он выпалил с ужасом обреченного, который признается в преступлении и тем губит себя:

— Я был неравнодушен к вам, сударыня... Вот и все!

Г-жа Марамбаль не ответила, отвернулась, опустила голову и задумалась. Она была добра, прямодушна, умна, кротка и чувствительна.

И она сразу поняла всю безмерную преданность этого бедняги, который отказался от всего, лишь бы жить рядом с нею, не сказав ни разу ни слова. Ей захотелось плакать.

Затем, немного сурово, но нисколько не сердясь, она сказала:

— Вернемся.

Александр поднялся, встал за ее креслом и покатил его.

Приближаясь к городку, они на полдороге встретили капитана Марамбаля, который направлялся к ним.

Едва поравнявшись с женой, он спросил с явным намерением начать ссору:

— Что у нас на обед?

— Цыпленок с фасолью.

Муж вспылил:

— Цыпленок, опять цыпленок, вечно цыпленок, черт побери! Хватит с меня твоих цыплят! Или у тебя совсем пусто в голове, что ты заставляешь меня каждый день есть одно и то же?

Она кротко возразила:

— Но, дорогой, ты же знаешь, что так велел доктор. Ведь это лучше всего для твоего желудка. Если бы не твой больной желудок, ты мог бы есть множество вкусных вещей, но я не решаюсь давать их тебе.

Выйдя из себя, он обрушился на Александра:

— Если у меня больной желудок, то из-за этого скота! Вот уже тридцать пять лет, как он отравляет меня своей дрянной стряпней!

Г-жа Марамбаль внезапно обернулась и посмотрела на старого слугу. Глаза их встретились, и одним взглядом они сказали друг другу: «Спасибо!»

Примечания

Напечатано в «Эко де Пари» 2 сентября 1889 года.